

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

MONGOLICA-III

Из архивов отечественных монголоведов XIX — начала XX вв.

Составитель и автор предисловия И.В.Кульганек

Санкт-Петербург
Издательство "Фарн"

1994

"Монголика-III".—СПб., "Фарн", 1994.—с.96 с илл.

ISBN 5-900461-028-5

Сборник издан на средства фонда "Культурная инициатива"

Сборник, состоящий из двух частей: "Из истории российского монголоведения" и "Монговедение сегодня", ставит своей целью заполнить многочисленные лакуны и восстановить "забытые страницы" целых периодов существования монголоведной науки. Главными источниками данного исследования явились архивные материалы, впервые введенные в научный оборот. Книга рассчитана как на профессионалов-монголоведов, так и на более широкий круг читателей публики, интересующейся историей культуры России.

Отв. редактор С.Г.Кляшторный

ISBN 5-900461-028-5

© Все авторские права сохранены. Перепечатка отдельных статей преследуется законом и разрешена только с согласия авторов.

© Издательство "Фарн", 1994.

© Виноградова Н.А. Оформление, 1994.

Содержание

Foreword	5
Предисловие	8
Из истории российского монголоведения	
В.Л.Успенский. Монголоведение в Казанской Духовной Академии	11
Е.М.Даревская. Англичанин из Лондона в ургинской школе	18
К.Н.Яцковская. Неопубликованные материалы 20-х годов из личного архива	
Н.П.Шастиной (1898-1980)	23
Н.П.Шастина. Китайцы-иконописцы в Улан-Баторе	26
Н.П.Шастина. Фрагменты статьи об аймачном храме "Орлуд"	28
И.И.Ломакина. В.А.Казакевич как монголист и его материалы о Джа-ламе	35
В.М.Алпатов. Советское востоковедение в оценках Н.Поппе	38
Е.М.Даревская. Письма И.М.Майского А.В.Бурдукову	47
Н.А.Симукова. Имя А.Д.Симукова возвращается в науку	57
Список опубликованных работ А.Д.Симукова (на русском языке)	61
А.Симуков. Доклад о двенадцатилетней работе в МНР и ее результатах	62
А.Симуков. Итоги работы Географического отделения Научно-Исследовательского Комитета МНР за 15 лет	64
Монголоведение сегодня	
Дмитриев С.В. Версии коронации Темучина с точки зрения политической логики (I. Теб-Тенгри)	72
Ю.В.Кузьмин. Русско-монгольские отношения в 1911—1912 годах и позиция общественных кругов России	75
С.Кибирова. Лютни Центральной Азии в инструментарии монголов, бурят и уйгуров	80
В.К.Шивлянова. Коллекция валиков Б.Я.Владимирцова в Пушкинском доме	86
Н.С.Яхонтова. "Краткое [изложение] "Ключа разума"	89

Foreword

The collection "Mongolica-3" consists of two parts, "From the History of the Mongolian Studies in Russia" and "Mongolian Studies Today".

The history of the Mongolian studies in Russia has not been written yet. It is only in separate miscellaneous collections, monographs and articles that this issue is briefly touched upon. To compile a history of a discipline which is two-odd centuries old, a huge body of data should first be collected to bridge the numerous gaps which prevent us from representing it as a progressive and coherent development in which continuity between generations is preserved. It appears that this crucial stage at which information is accumulated and published will not be completed before long, as quite a few "blank spots" and "forgotten pages" have remained relating to the entire periods in the existence of this discipline.

The first part opens with V.L.Uspensky's article "Mongolian Studies at the Kazan Spiritual Academy". Kazan is believed to be the birthplace of our Mongolian scholarship. It is here that the study of history, culture, and religion of the Mongolian-speaking peoples, as well as the collection of Mongolian books and manuscripts was first placed on a scientific basis. However, the Russian Mongolists still take it for granted that after the Oriental Department had been transferred to Petersburg University, no Mongolian studies were conducted in Kazan any longer. This view is erroneous since in fact several generations of lecturers and visiting specialists in Mongolian linguistics, philology, ethnography, and religion were engaged in active and productive research at Kazan Spiritual Academy (KSA) until October 1917. Their activities included writing scholarly essays, training missionaries for working in parishes with a predominantly Buryat or Kalmyk population, translating a large number of Christian books into vernacular (Buryat and Kalmyk). Mongolian studies at KSA were interrupted at a time when they were attaining their second peak. This page in the history of Russian science has not yet been read properly, although it does deserve attention for a number of reasons, including the high level of teaching at the Mongolian Department (attested for by textbooks and instructuins, which are still used by the students of Oriental Departments), the personalities of lecturers and professors at KSA, who were prominent authorities in the religion of Mongolian peoples (A.I.Popov, V.V.Mirotvortsev,

I.V.Popov, A.A.Bobrovnikov, and Archimandrite Guriy), the foreign ties of KSA, the library with its excellent collection of Mongolian and Tibetan books, the ethnographical museum where many artefacts and ritual objects were exhibited, which had been made by the Mongolian-speaking people and collected by the missionaries who were former KSA graduates (the fate of the museum is also unknown). All this precious part of our spiritual culture, one which had nourished several generations of Russian Mongolists, is still being completely ignored. Also neglected is the continuity linking the first talented self-made natives and zealous missionaries, who worked in Buryat and Kalmyk uluses (communities), with the national intelligentsia of Buryatia and Kalmykia (quite a number of persons founded clans whose members could be described as intellectuals by birth, such as the Sharakhshinov, the Shastins, the Badmayevs, the Normayevs; most or all of these founders were associated with KSA.

These people belonged to the galaxy of Mongolists who worked in the 1920s and 1930s. Having become involved in the dramatic events in the new history of the Mongolian people both as eyewitnesses and as participants, they often performed daring exploits in a political situation which was by no means favourable for a full realization of their scholarly potential. Too much of their legacy has remained unknown and unpublished, including their records, views, analyses, and generalizations, which have retained the value of a primary source without which the modern authors' ideas concerning Mongolian life at that stage of history are deficient.

The next article, written by E.M.Darevskaya and entitled "An Englishman from London at a school in Urga", describes the activities of a school in Urga, the first European-type nonreligious school of general education for the Mongols which functioned under the auspices of the Russian Consulate. It was founded by V.F.Lyuba (the Russian Consul in Urga), and Ts.Zhamtsarano, who was directly engaged in its activities. The first school year of 1912-13 was successful, and fourteen pupils were sent from Urga to Troitsko-Slavsk and Irkutsk where they were supposed to continue their studies. Darevskaya's article focuses on the teacher of English at the Urga school, Frederick George Whittick.

The 20th century has changed the face of the Russian Orientology, including the Mongolian studies. Paral-

lel to the classical research into Mongolian, Buryat, and Kalmyk traditional culture and literature, a new subdiscipline was shaped by scholars who, having been brought to Mongolia by will of fate and being keenly interested in its people, began to get familiar with its culture and nature and to register their first amateurish and superficial impressions; subsequently, in the process of deepening their theoretical knowledge, they initiated new trends in Soviet Mongolian studies. Among them are N.P. Shastina, A.D. Simukov, and S.A. Kondratyev. At that time, young representatives of the new Mongolian scholarship concentrated around the Scientific Committee of the People's Republic of Mongolia. Tsyben Zhamtsarano and Bazar Baradiyn of Petersburg were invited to work with this institution. By that time they had gained a considerable experience in theoretical and field work. It was Zhamtsarano who invited two young researchers, A.D. Simukov and S.A. Kondratyev (both of them were working with the P.K. Kozlov archaeological expedition excavating the Noin-Ula burial mound) to stay in Ulan-Bator after the end of the expedition to work with the Scientific Committee. The invitation was accepted, and Kondratyev became the organizer and director of the first ethnographical museum in Ulan-Bator, while Simukov started doing research at the Geographical Department of the Scientific Committee.

Later, the name of Simukov, who devoted all his life to the investigations into the geography and economics of Mongolia, where he had spent sixteen years, became legendary in the Mongolian steppes. Yet in the 1930s it disappeared from the publications dealing with Mongolia and did not reappear for a long time, although the specialists believe Simukov's research to be so important in both scope and depth that he might be placed among the leading experts in 20th century Mongolian economics and geography. It is hoped that the publication of Simukov's writings, prepared by his daughter, Natalia Andreyevna Simukova, and a brief biographical sketch written by her will shed first light on some previously unknown facts from his life and work. Among the documents published are unknown fragments of the paper "On the work done in the People's Republic of Mongolia over the past twelve years and its results" and the report "Results of the work conducted at the Geographical Department of the Scientific Committee of the People's Republic of Mongolia over the past fifteen years", which was printed in the journal "Sovremennaya Mongoliya" ("Modern Mongolia"), 1936, N 4, and has become a bibliographical rarity. The present publication is yet another in a series of attempts jointly undertaken by the Russian and Mongolian Academies of Sciences, and actively supported by the Russian and international associations of Mongolists, with a view of bringing the name of A.D. Simukov, who greatly contributed to the development of Mongolian studies in Russia, back to science.

Nina Pavlovna Shastina, who later became one of the leading Mongolists of the 20th century, appeared in Mongolia at the same time with the family of her father, P.N. Shastin, a physician who came there to organize the medical care of the native population. At that time, she felt an interest towards Buddhism, which became the focus of her attention for the rest of her life. The publication prepared by K.N. Yatskovskaya is rather unusual since she selected some of the first unpublished fragments of papers written by the young Shastina at the very beginning of her scholarly career. The importance of these fragments is due to the fact they contain an extremely detailed, although incomplete, information concerning a unique monastery which unfortunately has not survived until the present. The introductory article gives a sketch of Mongolia at the time when the young Nina Pavlovna arrived there.

Two years earlier, Vladimir Aleksandrovich Kazakevich, a student of the Petrograd Institute of Spoken Oriental

Languages, joined the Scientific Committee of the People's Republic of Mongolia where he had to do his practical work. Later he became "the only major expert in the history of the 12th-17th century Mongols", as N.N. Poppe wrote in his memorandum to A.S. Samoylovich, who was then director of the Institute of Oriental Studies. Kazakevich's personality also failed to receive due appraisal in the community of Mongolists, his life was tragically severed like that of many Mongolists of that time, such as A.D. Simukov, Ts. Zhamtsarano, B. Baradiyn, and A.V. Burdukov: in 1937 he was executed in Leningrad, having left behind him unfinished projects of a deep archaeological exploration in Central Mongolia (Onon and Ongiyn Gol basins, and the Northern Gobi area). I.I. Lomakina, in her article "V.A. Kazakevich as a Mongolist and his data on Jah-Lama", without touching upon many aspects of his research, focuses on just one episode of his life, connected with the legendary figure which played a certain role in the political life of Mongolia at that period, a figure which has not been properly understood or fully explained — Jah-Lama. The author presents documents and field records which were made by V.A. Kazakevich in Mongolia and later kept by V.D. Yakimov, his colleague at the institute, a historian of Mongolia, who in 1937 came up with an idea of writing a story of Jah-Lama, entitled "The Holy Gunman: The Vicar of Buddha".

Memoirs concerning the Soviet Orientalology of the 1920s and 1930s are rather few. All the more worth attention are those written by N.N. Poppe, one of the major modern Russian scholars, and published in the U.S.A. in 1982. The author portrays a gallery of the famous Orientalists who were active in the first third of the 20th century, such as A.N. Samoylovich, N.Ya. Marr, E.D. Polivanov, P.K. Kokovtsev, L.Ya. Sternberg, S.E. Malov, and others. But the most vivid of all is the portrait of Poppe himself, a man who was ready to make many compromises with life in order to have a possibility of being engaged with his favourite business to which he devoted seven decades of his work, having published some fifty books and a host of articles and reviews. A critical analysis of these memoirs is presented in the article by V.M. Alpatov.

The possibility of establishing trade relations with Mongolia was always high on the agenda in Russia. The problem was solved by occasionally sending trade missions to Mongolia. One of the major missions, in which representatives of 73 firms took part, was launched in 1910 by the Siberian merchant Trapeznikov. To maintain young Russian trade relations with foreign countries, the All-Russian Central Union of Consumers' Societies was created, whose Irkutsk office specialized in trade with the Far Eastern countries, including Mongolia. In spring 1918, the Central Union invited I.V. Maisky (Lyakhovetsky) to lead a small-scale mission which was to make a short visit to Mongolia before the forthcoming cattle deal to clarify the further prospects of Russian-Mongolian trade. This was how the future prominent diplomat, who was also a brilliant journalist, writer of memoirs, historian, member of the Academy, a person widely-known both in Russia and abroad, first found himself amidst the "half-primitive life of Central Asia". Here he came to know Aleksey Vasilyevich Burdukov, then head of the Russian-Mongolian trading centre in Khangeltsyk. This was "a true self-made man", a prominent Mongolist, a brilliant expert in Mongolian life, an author of numerous papers on Mongolian ethnography, language, history, and the compiler of the Mongolian-Russian dictionary. I.V. Maisky's letters to A.V. Burdukov, written in 1919-33 and published by E.I. Darevskaya, besides illustrating the friendly relations between the two extraordinary people who lived in a troublesome period of history, reflect also a difficult stage of their political biographies, the interaction of their political views to the mutual benefit for the spiritual worlds of both.

The second part of the collection is opened with S.V. Dmitriyev's article "A version of Temuchin's coronation, from the viewpoint of Teb Tengri's political logic", in which Temuchin's coronation, reconstructed on the basis

of various sources, brings the author to the conclusion that these sources reflect different political traditions in the treatment of the specific event. All these traditions proceed from the same political rule: when a fierce struggle is going on for power, for the leadership, the winner, who strives to legitimize the power gained by him as a result of his victory, either discredits his opponent or idealizes his past image and their past relations, wishing to represent things in such a way as though their lives were governed by external factors rather than by themselves.

Although being unable to reveal the causes of historical events, the archive documents (certificates, protocols and other) may occasionally add new touches to our knowledge of these events. This is especially true of the confused and contradictory history of the early 20th century. Yu.V. Kuzmin's article "Russian-Mongolian relations in 1911-12 and the attitudes of the Russian society" deals with unique documents which are kept at Russian archives and almost completely overlooked by our modern scholars. They pertain to the international situation which arose in 1911 in the triangle Russia—Mongolia—China following the emergence of the independent state of Mongolia after the Sinhal Revolution in China and the national liberation movement in Mongolia. Outlining polar views of the development of the relations between Russia and Mongolia, Kuzmin focuses on documents illustrating the attitudes of the Russian intellectuals, including Academician B. Ya. Vladimirtsov, journalist and writer I.I. Popov, linguist and ethnographer N.P. Yevstafyev, who advocated the creation of an independent Mongolian state and the equitable nature of Mongolo-Russian relations; they also suggested that aid should be offered to Mongolia. The publication of these documents is especially topical nowadays, at the time when Russia actively extends her relations with the Eastern countries.

Frequent removals adversely affected the collection of phonographic recordings on wax cylinder which is now possessed by the Institute of Russian Literature (Pushkin House); for example, two cylinders from Ochirov's collection of Kalmyk folk music, with the recordings of the Kalmyk epic

Zhangar, were later possessed by Academician Vladimirtsov. The fact has been established by V.K. Shivlyanova, who worked at the archives of sound recordings in 188-89. Her article "Academician Vladimirtsov's collection of phonographic cylinders, now at the archives of sound recordings of the Institute of Russian Literature (Pushkin House)" deals with the recordings collected by Vladimirtsov in 1911-12 in northwestern Mongolia. Shivlyanova's publication includes the list of this collection, made by A. B. Burdukov in 1936.

Museum collections are still growing and being studied even today. Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography possesses a collection of musical instruments brought by the folklore mission to Mongolia which was organized by the Institute of Ethnography and Anthropology in the 1930s. Among the specimens are yechins, morin khurs, shanzes, and lutes. Mongolian music and musical instruments are an important element of Central Asian musical culture. Unfortunately, they are addressed by only few of the Russian musical studies. These include S. N. Kibirova's paper "Central Asian lutes among the instruments of Mongols, Buryats, and Uygurs", which focuses on the origins and history of this musical instrument.

The concluding article is N. S. Yakhontova's translation of a Mongolian text titled "Brief Outline of The Key of Mind" and believed to have been written by Tengiz-Khan. This manuscript is possessed by the Archives of the Institute of Oriental Studies and is well known to the historians of Mongolia.

The collection has been prepared by people working at the Institute of Oriental Studies Saint-Petersburg Branch, while separate papers have been written by specialists associated with various academic centres of Russia, including Buryatia, Kalmykia, Kazakhstan. The book may be of interest not only for the narrow circle of Mongolists, but for everybody who is not indifferent to the history of Russian science, that is, for the broad public.

Предисловие

Сборник "Монголика-3" состоит из двух частей: первая — "Из истории российского монголоведения" и вторая — "Монголоведение сегодня".

История Российского монголоведения еще не написана. Лишь в отдельных сборниках, монографиях и статьях затронуты те или иные, чаще всего отрывочные сюжеты, касающиеся этой темы. Для написания более чем двухсотлетней истории монголоведческой науки необходимо предварительно собрать громадный материал, чтобы заполнить многочисленные лакуны, не позволяющие представить этот процесс как нечто поступательное, единое, сохраняющее преемственность поколений. Представляется, что этот чрезвычайно важный этап накопления и издания подобных материалов будет завершен не скоро, поскольку до настоящего времени осталось немало "белых пятен" и "забытых страниц", касающихся целых периодов существования этой науки.

Колыбелью отечественного монголоведения считается Казань, где впервые на научную основу было поставлено изучение истории, культуры, религии монгольских народов, собирание монгольских книг и рукописей. Но до сих пор как само собой разумеющееся среди отечественных востоковедов бытует ошибочное мнение, что после перевода восточного факультета в Петербургский университет, казанское монголоведение прекратило свое существование, в то время как еще на протяжении нескольких поколений преподавателей-монголоведов, стажеров вплоть до октября 1917 г. в Казанской Духовной Академии велась активная творческая работа по изучению языков, литературы, этнографии, религии монгольских народов, писались научные труды по филологии и истории, готовились миссионеры для работы в епархиях с бурятским и калмыцким населением, переводилось большое количество христианских книг на народный бурятский и калмыцкий языки. Развитие монголоведения в КДА было прервано в то время, когда оно находилось на этапе своего второго подъема. Эта страница истории отечественной науки до сих пор осталась не прочитанной, хотя несомненно внимания заслуживают и высокий уровень преподавания предметов монгольского отделения, о чем говорят методические пособия и учебники, которыми пользуются студенты восточных факультетов и по настоящее время, и имена

известных монголистов, преподавателей и профессоров КДА, оставивших свои научные труды по религии монгольских народов, такие как А.И.Попов, В.В.Миротворцев, И.В.Попов, А.А.Бобровников, архимандрит Гурий, и международные связи КДА, и библиотека с богатейшей коллекцией монгольских и тибетских книг, и этнографический музей, где было собрано большое количество предметов быта и культа инородцев миссионерами — бывшими выпускниками КДА, дальнейшая судьба которого также неизвестна. И этот богатейший пласт нашей духовной культуры, питавший несколько поколений отечественных монголоведов, остается совершенно неосвещенным в истории науки, как не прослежена и преемственность от первых самородков и миссионеров-подвижников, работавших в бурятских и калмыцких улусах — до национальной интеллигенции Бурятии и Калмыкии, в то время, как немало имен родоначальников целых семейных кланов потомственной интеллигенции, таких как Ширазиновых, Шастиных, Бадмаевых, Нормаевых были связаны с КДА.

Статья В.Л.Успенского "Монголоведение в Казанской Духовной Академии", открывающая сборник, посвящена именно этой "забытой странице" отечественного монголоведения.

Хронологически примыкает к этой статье следующая статья Е.М.Даревской "Англичанин из Лондона в ургинской школе", посвященная образованию и работе первой светской общеобразовательной школы европейского типа в Урге при российском консульстве. У истоков ее создания стоял Российский консул в Урге В.Ф.Люба, непосредственно руководил ее созданием Ц.Жамцарано. Первый учебный 1912-1913 год был удачным, и 14 учеников из Урги были отправлены для продолжения образования в Троицкославск и Иркутск. Среди преподавательского состава Ургинской школы автор выделяет преподавателя английского языка Frederick Georg Whittik. Этому человеку и посвящена статья Даревской.

Блестящая плеяда монголоведов 20-30 годов XX века. Ставшие свидетелями и участниками решающих событий новейшей истории монгольского народа, эти исследователи нередко совершали свой научный подвиг в той политической обстановке, которая не способствовала сколько-нибудь полному раскрытию их научного потенциала. Слишком много осталось неизвестным и неопубликованным в их творческом

наследии, а между тем их записи, суждения, анализ и обобщения сохранили значимость первоисточника, без которого суждения нынешних авторов о том этапе исторической жизни Монголии, не всегда полны.

XX век изменил лицо отечественной монголистики. Наряду с классическим изучением традиционной культуры и литературы монголов, бурят и калмыков, формируется ветвь исследователей, которые волею судьбы попав в Монголию, знакомясь с ее культурой, природой, испытывая при этом живой интерес к ее народу, фиксируют сначала свои первые внешние, подилетантски поверхностные впечатления, но затем, углубляя приобретаемые теоретические знания, становятся основателями целых направлений советского монголоведения. Это имена Н.П. Шестиной, А.Д. Симукова, С.А. Кондратьева. В то время молодая научная жизнь концентрировалась вокруг Ученого Комитета МНР, из которого впоследствии выросла Академия Наук МНР. На работу в него были приглашены из Петербурга Цыбен Жамцарано и Базар Барадийн, имевшие к тому времени большой опыт научно-исследовательской и экспедиционной работы. Именно Ц. Жамцарано предложил молодым сотрудникам А.Д. Симукову и С.А. Кондратьеву, работавшим в то время в археологической экспедиции П.К. Козлова на раскопках Ноиньского кургана, после завершения экспедиции остаться в Улан-Баторе для работы в Ученом комитете. Предложение было принято, и Кондратьев становится организатором и директором первого этнографического музея Улан-Батора, а А.Д. Симуков — сотрудником Географического отдела Ученого Комитета.

Впоследствии имя А.Д. Симукова, посвятившего всю свою жизнь исследованиям географии и экономики Монголии, где он провел 16 лет, станет легендой в монгольских степях, однако, с 30-х годов в монголоведной литературе оно надолго исчезает, хотя, по оценкам специалистов, приоритетность исследований, объем, широта, диапазон и глубина затронутых А.Д. Симуковым проблем свидетельствуют о том, что он может встать в ряд ведущих монголоведов в области экономики и географии Монголии XX века. Публикация материалов А.Д. Симукова, подготовленная его дочерью — Натальей Андреевной Симуковой, предваряемая кратким биографическим очерком, написанным также ею, ставит своей целью впервые раскрыть некоторые неизвестные обстоятельства жизни и творчества А.Д. Симукова, предложить неизвестные фрагменты доклада "О двенадцатилетней работе в МНР и ее результатах" и ставший библиографической редкостью отчет "Итоги работы Географического отдела Научно-исследовательского Комитета МНР за 15 лет", напечатанный в журнале "Современная Монголия" за 1936 г., N 4. Данная публикация также продолжает начатое совместными усилиями Академии Наук России и Монголии при активном содействии Российской и Международной ассоциации монголоведов дело по возвращению в науку имени А.Д. Симукова, внесшего большой вклад своими исследованиями в развитие отечественного монголоведения XX века.

Нина Павловна Шастина, ставшая одним из ведущих монголоведов XX века, появляется в это время в Монголии, следуя за семьей своего отца — врача П.Н. Шастина, приехавшего туда для налаживания медицинского обслуживания местного населения. Именно в это время у нее зародился интерес к буддийской тематике, к которой она будет обращаться на протяжении всей своей научной жизни. Необычность публикации, подготовленной К.Н. Яцковской, состоит в том, что ею выбраны одни из первых незаконченных фрагментов научных статей молодого

ученого, характеризующие ее научный старт. Самоценность же этих материалов — в том, что они содержат подробнейшие, хотя и неполные сведения об уникальном монастырском комплексе, к сожалению, не сохранившемся до настоящего времени. В статье, предвещающей публикацию, дается абрис тогдашней Монголии, куда попала молодая Нина Павловна. Сюда же на практику в Ученый Комитет МНР двумя годами раньше приезжает студент Петроградского института живых восточных языков Владимир Александрович Казакевич, впоследствии "единственный крупнейший специалист в области истории монголов XII-XVII вв.", как его характеризует впоследствии Н.Н. Поппе в докладной записке тогдашнему директору Института востоковедения А.С. Самойловичу. Имя В.А. Казакевича также не получило должной оценки в монголоведных кругах, его научная жизнь трагически оборвалась подобно судьбе, постигшей многих других востоковедов того периода, таких как А.Д. Симуков, Ц. Жамцарано, Б. Барадийн, А.В. Бурдуков, и завершилась расстрелом в Ленинграде в 1937 г., оставив незавершенными планы глубокой археологической разведки на территории Центральной части Монголии в бассейне рек Онона и притоков Онгийн гола и районах Северной Гоби. Автор статьи "В.А. Казакевич как монголист и его материалы о Джа-ламе" И.И. Ломакина, не затрагивая многих аспектов научных интересов В.А. Казакевича, обращает внимание лишь на один эпизод его жизни, связанный с легендарной личностью, сыгравшей определенную роль в политической жизни Монголии того периода, до конца еще не понятую и не получившую объективного полного объяснения — с Джа-ламой. Автор предлагает читателю документы и полевые записи, сделанные В.А. Казакевичем в Монголии и попавшие в архив В.Д. Якимова, его коллеги по институту, историка-монголоведа, задумавшего написать в 1937 году повесть "Святой бандит. Наместник Будды".

Не так много написано о советском востоковедении 20-30-х годов. Тем большего внимания заслуживают "Воспоминания" Н.Н. Поппе — одного из крупнейших отечественных ученых наших лет, вышедшие в США в 1983 г., где автор рисует целую галерею виднейших ученых востоковедов первой трети XX в.: А.Н. Самойловича, Н.Я. Марра, Е.Д. Поливанова, П.К. Коковцева, Л.Я. Штернберга, С.Е. Малова и др. Но отчетливее всего его мемуары характеризуют личность самого Н.Н. Поппе, идущего на многие компромиссы с жизнью, чтобы иметь возможность заниматься любимым делом, которому он посвятил семь десятилетий творческой работы, издав около 50-ти книг, множество статей и рецензий. Критическому разбору этих "Воспоминаний" посвящена статья А.М. Алпатов.

Возможность торговых отношений с Монголией всегда занимала Россию, решалась она торговыми экспедициями, направляемыми туда в разное время. Одна из самых крупных таких экспедиций была снаряжена в 1910 году по инициативе сибирского купца Трапезникова. В ней участвовали представители 73-х фирм. В молодой России для осуществления торговых отношений с зарубежными странами был создан центральный Союз потребительских обществ, Иркутская контора которого специализировалась на торговле со странами Дальнего Востока, в том числе — с Монголией. Весной 1918 года Центросоюз предложил И.В. Майскому (Ляховецкому) возглавить небольшую краткосрочную экспедицию в Монголию перед предстоящей закупкой там скота для выяснения дальнейших возможностей и перспектив русско-монгольской торговли. Так впервые попадает в "полупервобытную обстановку Центральной Азии" будущий выдающийся дипломат, блестящий публицист и мемуарист,

ученый-историк, академик, широко известный у нас и за рубежом. Здесь он знакомится с "настоящим самородком" — выдающимся монголистом, прекрасным знатоком быта монголов, автором многочисленных статей по этнографии, языку, истории монголов, создателем русско-монгольского словаря — Алексеем Васильевичем Бурдуковым, возглавлявшим тогда центр русско-монгольской торговли в Хангельцке. Е.И. Даревская предлагает к публикации письма И.В. Майского А.В. Бурдукову периода 1919-1933 гг., свидетельствующие не только о дружеских отношениях двух интереснейших людей сложной исторической эпохи, письма отражают также трудный период политической биографии, взаимовлияние политических взглядов и взаимоотношение духовного мира обоих.

Вторая часть сборника открывается статьей С.В. Дмитриева "Версии коронации Темучина с точки зрения политической логики. I. Тэб-Тэнгри", в которой на примере сюжета коронации Темучина — Чингисхана — прослежено по разнообразным источникам, автор приходит к выводу, что в них отражены разные политические традиции в трактовке конкретных событий, которые исходят от существующего в политике правила: когда идет жесткая борьба за власть, за лидерство, победитель в этой борьбе, чтобы легитимизировать полученную в результате победы власть, либо дискредитирует своего противника, либо, "задним числом", идеализирует его и свои с ним отношения, желая представить дело таким образом, что якобы обстоятельства, а не человек становятся властными над судьбой каждого из них.

Часто архивные материалы: справки, документы, протоколы, если и не раскрывают причин каких-либо исторических событий, то добавляют штрихи к знаниям о них, особенно это касается такого противоречивого, неоднозначного времени, каким является начало XX века. На уникальных материалах по русско-монгольским отношениям, которые крайне редко и фрагментарно используются нашими современными учеными, находящимися в архивах России, написана статья Ю.В. Кузьмина "Русско-монгольские отношения в 1911-1912 годах и позиции общественных кругов России", посвященная рассмотрению международной ситуации в треугольнике: Россия-Монголия-Китай, сложившейся в 1911 году после создания независимого государства в Монголии в результате синьхайской революции в Китае и национально-освободительного движения в Монголии. Представляя полярные точки зрения на проблемы развития русско-монгольских отношений, автор особо останавливается на документальных свидетельствах, представляющих мнение по этому вопросу кругов российской интеллигенции: акад. Б.Я. Владимирцова, публициста и писателя И.И. Попова, языковеда и этнографа Н.П. Евстафьева,

которые ратовали за создание независимого монгольского государства, равноправность монголо-российских отношений, предлагали оказать помощь Монголии. Раскрытие подобных ранее неизвестных документов чрезвычайно актуально в то время, когда активно расширяются отношения России со странами Востока.

Проблема формирования и атрибуции коллекций стоит в настоящее время на первом месте с музейной и архивной работе. На надежную сохранность и правильную оценку коллекции влияет в частности стабильность ее местонахождения. Расформирование, перемещение и передача коллекции в другие фонды всегда имеют негативные последствия, приводят к невозможным потерям. Так частые переезды пагубно сказались на коллекции фонографических валиков, находящейся ныне в Институте русской литературы (Пушкинском Доме), в результате которых, например, два валика из коллекции Н.О. Чирова — собирателя калмыцкого музыкального фольклора, с записями "Жангара" — известного калмыцкого эпоса — попали в коллекцию Б.Я. Владимирцова, что удалось выяснить работавшей в фонограммархиве в 1988-1989 годах В.К. Шивляновой, статья которой "Коллекция фонографических валиков академика В.Я. Владимирцова, находящаяся в фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинского Дома)", посвящена коллекции, собранной ученым в 1911-1912 годах на Северо-Западе Монголии. В.К. Шивлянова приводит описание этой коллекции, выполненную в 1936 году А.В. Бурдуковым.

Пополнение и изучение музейных коллекций продолжается и в настоящее время. В Музее этнографии им. Петра Великого находится коллекция музыкальных инструментов, привезенная фольклорной экспедицией, организованной Институтом этнографии и антропологии в 30-е годы в Монголию, среди которых есть ечины, морин хуры, шанзы, лютни. Музыка и музыкальные инструменты монголов — одна из важных составляющих частей музыкальной культуры Центральной Азии. В отечественном музыкознании пока, к сожалению, мало работ, посвященных исследованию музыкальной культуры монголов. В этой связи интересным представляется исследование С.Н. Кибировой "Лютни Центральной Азии в инструментарию монголов, бурят, уйгуров", посвященное истории формирования и бытования этого музыкального инструмента.

Завершает сборник публикация Н.С. Яхонтовой "Краткое изложение "Ключа разума"", которая представляет из себя публикацию текста и перевод на русский язык монгольского текста памятника, авторство которого приписывается Чингис-хану. Текст этот хранится в Архиве востоковедов. Он хорошо известен историкам монгольской литературы. Списки его имеются во многих собраниях мира. Однако, рукопись, которая представлена в публикации, является совершенно самостоятельным сочинением.